

Библиография

Килин Ю.М. Карелия в политике Советского государства. 1920-1941. Петрозаводск, 1999.

Смирнова Е.П. Сельскохозяйственное освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-1941 гг. // Вопросы истории Европейского Севера: Россия и Финляндия от Средневековья до середины XX века. Петрозаводск, 2007. С. 235-245.

Степаков В.Н. Освоение Карельского перешейка Советским Союзом в 1940-е — пер. пол. 1950-х годы // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: М-лы Восьмой ежегодной научной международной конференции. СПб., 2007. С. 263-275.

Степаков В.Н., Балашов Е. В «новых районах». Из истории освоения Карельского перешейка 1940-1941, 1944-1950 гг. СПб. 1996.

Сумароков В. Долго Карелия снилась ... // Вятский край. 2004. 16 апр.

Е.Г. Федорова

ТКАНЬ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ СЕВЕРНЫХ МАНСИ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА

Материал по погребальной обрядности северных манси собирался автором в последней четверти XX — начале XXI в. в местах их обитания, главным образом в бассейне р.Северной Сосьвы — одного из крупных притоков Оби в ее нижнем течении [Федорова 1993, 2005, 2006 и др.].

Среди вещей, сопровождающих умершего, а также в действиях во время похорон и после них обращает на себя внимание присутствие предметов из ткани (*тõр*) — материала, который, на первый взгляд, не может быть характерным для культуры таежных охотников, рыболовов и оленеводов, традиционно использовавших в быту олени шкуры, шкурки птиц и пушнину.

Как показывают полевые материалы, в погребальной обрядности северных манси рассматриваемого периода фигурирует покупная хлопчатобумажная ткань. В качестве одной из деталей женского погребального костюма еще в 1970-е гг. выступали мансийские платья из хлопчатобумажной ткани. В это время национальную одежду (платья) носили женщины среднего и пожилого возраста. У всех территориальных групп северных манси были получены сведения о количестве платьев, надеваемых на умершую женщину — их четыре (4 у северных манси — число, которое связывается с женским началом). Определенное исключение составляют обские манси. Помимо повсеместно распространенного варианта зафиксирован и другой: на умершую женщину надевают три платья и халат, также из хлопчатобумажной ткани (вид национальной одежды, характерный для обских и нижнесосьвинских манси), а еще два платья кладут сбоку. Для мужчин-покойников были желательны рубахи традиционного покроя: одна, как за-

фиксировано у нижнесосьвинской группы, либо одна-три, которые кладутся в гроб, — как у обских манси.

В связи с погребальной одеждой нужно отметить следующие моменты. Во-первых, мужская национальная одежда — рубахи из хлопчатобумажной ткани — в последней четверти XX в. уже являлась исключением. Во-вторых, практически для всех территориальных групп для покойника обязательна зимняя плечевая одежда из оленьего меха и зимняя же меховая обувь. Здесь выделяются только обские манси, которые, по одним сведениям, в зимней одежде не хоронили, по другим данным, она все же присутствует, причем иногда это может быть даже покупное пальто. В-третьих, при общей тенденции к исчезновению национальной одежды из повседневного быта и перехода ее в категорию праздничной в последние десятилетия традиционные мансийские платья и рубахи все же стараются сохранять еще и как погребальную одежду. Известен даже случай, когда ее доставляли в город для того, чтобы соответствующим образом похоронить умершую родственницу пожилого возраста, хотя при жизни в городских условиях эта женщина уже давно перешла на покупную одежду.

Как показывают полевые материалы, с покойником должен был отправляться какой-либо предмет из ткани, который хранился в культовом амбаре в качестве приклада духу. Это могли быть куски ткани, как у обских манси, или же халат — как у ляпинских. Этот халат использовался как подкладка меховой шубы, в которой хоронили умершего. Нужно подчеркнуть, что и женщин, и мужчин у северных манси хоронили в распашной одежде: в женской шубе (в том числе и мужчин), в мужской малице, на которой в данном случае делался разрез спереди, либо в овчинном тулупе. При этом национальная мужская одежда северных манси на протяжении периода более чем в 120 лет была глухого покроя (за исключением особого вида охотничьей одежды верхнепелымских манси). Распашная мужская одежда, причем именно из ткани, сохранялась в качестве одеяний культовых изображений, а также как костюмы богов, которые «приглашались» на медвежий праздник. Исполнители танцев этих богов выступали исключительно в распашной одежде (халатах) и с платками, которые держали в руках, прикрепляли к одежде или затыкали за пояс. Платками же во время танцев они закрывали нижнюю часть лица.

Халаты из культовых амбаров, которые брали для покойников, как считается, указывали на связь с фратриальным духом-покровителем [Соколова 1971: 236]. Другой предмет из ткани связывал умершего с его личным духом-покровителем. Это полоска ткани, которая составляла часть изображения такого духа. Ее повязывали покойнику на шею [Федорова 2005: 171].

Важнейший элемент традиционного мансийского костюма — платок. И сейчас он продолжает оставаться головным убором пожилых женщин, несмотря на то, что не всегда удобен в климатических условиях Севера. Среди всех предметов одежды, задействованных в погребально-поминальной обрядности северных манси, платок играет, пожалуй, веду-

щую роль. Платки, как и платья, нужно «взять» с собой. И вещи, которые будут на покойнице и в ее гробу, при жизни хранят завязанными в платок. На умершей женщине должно быть два-четыре платка, либо два на голове и два в гробу, либо (у среднесосьвинских манси) один платок повязывают на голову, три кладут в гроб. Ими перед выносом закрывают лицо покойницы.

При оплакивании покойника, пока тот еще находится в доме, женщины, сидя на полу, опускают платок так, что его концами касаются пола, таким образом изолируя себя от окружающего пространства. Во время траура родственницы умершего носят платок наизнанку. Это главный признак траура практически у всех территориальных групп. Женщины у нижнесосьвинских и обских манси во время траура наизнанку носили халат из хлопчатобумажной ткани.

У верхнесосьвинских манси женщины во время траура несколько раз меняют платки. И использованные уносят в лес и вешают там на елку. Причем родственницы умершего, живущие в других селениях или в городах, специально присылают свои платки как знак того, что они оплакивают покойника (подробнее см.: [Федорова 2006: 212]).

Существуют еще две обязательных детали погребального костюма, которые в последней четверти XX — начале XXI в. делались из ткани. Это лицевая маска и своеобразные рукавицы. Маска, которую ряд информантов называл особым платком, представляет собой кусок ткани, оторванной от той, которой покрывают покойника целиком. Места глаз и рта обозначают бусами, пуговицами или бисером. Маску делают на второй день после смерти. Если в доме не оказывается нужной ткани, до ее покупки лицо умершего закрывают платком. Маску прикрепляют к платку на голове умершей женщины или к шапке на голове мужчины. При прощании с покойником его целуют через эту маску.

По некоторым группам обских укров есть данные, что маску в прошлом делали из оленьей шкуры [Соколова 1980: 128]. У северных же манси платок (ткань) в этой роли фигурировал еще в конце XIX в. [Kannisto 1958: 31]. У этой группы зафиксировано два названия погребальной маски: *вильт тёр* [ПМА], что значит 'лица ткань' и *вильт лопыс* — 'лица [некий] кусок' [Попова 2003: 58].

Из такой же ткани, как и маску, делают рукавицы-мешочки, в которые кладут деньги, необходимые, как считается, для того, чтобы выкупить дорогу в потусторонний мир. Эти рукавицы-мешочки обвязывают вокруг кисти шнурками. При этом «не задействованными» остаются рукавицы верхней плечевой одежды из меха, которые пришиты к ней наглухо. Одежду накладывают на умершего так, что рукава остаются пустыми. Называются и рукавицы обычной одежды, и рукавицы-мешочки в погребальном костюме одинаково — *пасса*.

Полностью покрывают умершего также тканью, а поверх гроба накладывают платок или полог из хлопчатобумажной ткани.

Ткань фигурировала и в качестве подарка ранее умершим людям. Их родственники, когда приходили прощаться с недавно умершим, клали в его гроб куски ткани для «передачи» своим.

Наконец, нужно отметить наличие еще нескольких элементов в погребальном обряде северных манси, имеющих отношение к ткани и ткачеству. Это шнуры, которыми особым узлом — «узлом мертвых» — связывают ноги покойника, прикрепляют рукава к одежде, мешочки-рукавицы на запястье, а также нить, выдернутая из куска ткани. Она лежит на умершем, пока он находится в доме. Затем эта нить становится знаком траура: ее с надетой на нее бусиной носит на ноге один из ближайших родственников покойника.

Оставшаяся от покойника одежда — та, в которую он был одет в момент смерти и в которой, как считается, еще остается «живая» душа, тоже завязывают в кусок ткани. Этот узел вешают на дерево в лесу между селением и кладбищем или зарывают в землю.

Относительно цвета ткани, используемой в погребальной обрядности, преобладают данные, что она должна быть светлой, нередко — белой. Так, рукавицы-мешочки шьют из белой ткани. Вообще же можно брать любую светлую, даже с рисунком ткань. Запрет существует по отношению к ткани красного и черного цветов. Красный — символ Среднего мира, мира живых людей. Вещи черного или темного цвета обычно «идут» духам Нижнего мира.

Символика предметов из ткани, фигурирующих в погребальной обрядности северных манси, — отдельный вопрос, требующий детальной разработки, хотя в некоторой степени его уже касались исследователи. Здесь же хотелось бы сделать акцент на том, с чем могло быть связано появление ткани у северных манси и закрепление этого материала в таком явлении, как погребальная обрядность, сохраняющем, несмотря на свою «подвижность» в значительной степени архаические черты.

На первый взгляд ткань воспринимается как заменитель других материалов, более характерных для представителей тех хозяйственно-культурных типов, к которым относятся северные манси. Тем более что речь идет о достаточно позднем периоде, когда у коренного населения в силу особенностей экономической ситуации не было такого доступа к меху, как в прошлом. Исследователи традиционной культуры манси при анализе погребальной обрядности этого народа склонны придавать большее значение шкурам как символу бытовавшего когда-то способа захоронения (см., например, [Попова 2003: 69–70]). Возможно, это так. Но возникает и другой вариант, выводящий на первое или равное со шкурами место ткань. В связи с этим нужно коснуться вопроса о формировании северных манси.

По мнению всех исследователей, это довольно позднее образование. В бассейн Северной Сосьвы из более южных и западных районов манси стали переселяться с XIII–XIV вв. Судя по имеющимся данным, у предков современных северных манси могла быть одежда из тканей домашнего производства. Изготовление ткани из крапивных нитей у кондинских манси (по со-

временной терминологии — восточная этнографическая группа этноса) фиксировалось еще на рубеже XIX–XX вв. В коллекциях отечественных и зарубежных музеев имеются образцы вышитой одежды из этой ткани. Ее покрой, топография и техника украшений обнаруживают параллели с одеждой большой группы народов от Среднего Поволжья до Центральной Азии включительно (подробнее см.: [Федорова 2000: 239]).

Археологические материалы свидетельствуют о том, что на юге Западной Сибири и Южном Урале — территориях, на которых можно искать предков обских угров, уже в эпоху бронзы существовало развитое ткачество, сложившееся, видимо, под влиянием культуры ираноязычного населения. В процессе адаптации к местным сырьевым и технологическим условиям, как предполагают, могла произойти деградация свойственной этой культуре сложной гобеленовой технологии, характерные для нее геометрические орнаменты стали выполняться в вышивке, что дошло до начала XX в. [Глушкова 2002: 112–121].

Ткачество из растительного сырья сохранялось здесь и позднее. Потребность коренного населения в других тканях обеспечивалась за счет торговых связей с Востоком и Западом.

Таким образом, предметы из ткани могли издавна использоваться в погребальном обряде обских угров в целом и северных манси в частности. Естественно, в каких-то случаях один материал заменялся другим, причем не обязательно мех тканью, могло быть и наоборот. Скорее всего здесь имеет место сочетание разных культурных традиций в процессе формирования северной группы манси.

Библиография

Глушкова Т.Н. Археологические ткани Западной Сибири. Сургут: РИО СурГУПИ, 2002.

Попова С.А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003.

Соколова З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX в. Л.: Наука, 1971. С. 211–238. (Сб МАЭ. Т. 27).

Соколова З.П. Похоронная обрядность: Ханты и манси // Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). М.: Наука, 1980. С. 125–143.

Федорова Е.Г. Материалы к погребальному обряду северных манси // Материалы полевых этнографических исследований. 1990–1991 гг. СПб.: МАЭ РАН, 1993. С. 77–97.

Федорова Е.Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: Проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб.: Европейский Дом, 2000.

Федорова Е.Г. Материалы по погребальному обряду верхнесосьвинских манси // Радловские чтения 2005: Тезисы докладов. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 169–174.

Федорова Е.Г. Материалы к погребальному обряду верхнесосьвинских манси: Действия после погребения // Радловские чтения 2006: Тезисы докладов. СПб.: МАЭ РАН, 2006. С. 208–213.

Kannisto A. Materialien zur Mythologie der Wogulen // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 1958. V. 113.

В.И. Хартанович, И.Г. Ширококов

**К КРАНИОЛОГИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ ИЗ МОГИЛЬНИКА
КЮЛЯЛАХТИ КАЛМИСТОМЯКИ)**

Работы выполнены при финансовой поддержке МАЭ РАН; Российского гуманитарного научного фонда, Проект № 07-01-18066е.

Изучение этнической истории населения северо-западного Приладожья до последнего времени основывалось почти исключительно на данных археологии, лингвистики и письменных исторических источников. Эти источники свидетельствуют, что в первой половине II тысячелетия н.э. северо-западное Приладожье, Карельский перешеек и восточная Приботния входили в зону расселения летописной «корелы» — предков современных карел. В XVII в., после поражения России в войне со Швецией, православное карельское население этих территорий из-за религиозных притеснений в массовом порядке стало уходить в северные районы современной Карелии, в Тверскую губернию и Тихвинский уезд Петербургской губернии. А территория Карельского перешейка и северо-западное Приладожье заселялись переселенцами из различных районов современной Финляндии и Швеции [Карелы Карельской АССР... 1983].

Вместе с тем вопрос о происхождении племен, объединяемых под названием «корела», не решен окончательно. В начале XX столетия в исследованиях по истории карел в Финляндии ведущей была теория о западно-финском их происхождении. Согласно этой теории карелы — прямые потомки племени «емь», часть которой переселилась на восток и ассимилировала немногочисленных аборигенов [Жербин, Шаскольский 1976]. В качестве альтернативы взглядам финляндских историков в советской довоенной литературе развивалось представление об этническом единстве карельского народа и его автохтонности на территории Карельского и Олонецкого перешейков [Гадзяцкий 1941]. Действительно, главные археологические памятники древней «корелы» сосредоточены в северо-западном Приладожье и на юго-востоке Финляндии. Однако высказано предположение и о том, что древняя «корела» проживала на большей территории [Кочуркина 1982].

Основная источниковедческая база археологии Карельского перешейка охватывает период расцвета культуры древней «корелы» — XII-XV вв. н.э.